

Штыковая атака или о немецко-немецких отношениях

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»)

www.literatur-viktor-prieb.de)

Из мужчин трехсотпятидесятитысячного контингента немцев из России, попавших в начале войны в зону немецкой оккупации, были сформированы во второй половине 1944-го новые войсковые части вермахта и в том числе несколько дивизий войск ЭсЭс. В одну из них и попал Отец со своими камерадами. Они должны были теперь в укороченном учебном курсе упражняться в искусстве войны, и в этом им еще повезло, поскольку некоторые другие из них были посланы сразу в бой еще против американцев в Италии, не научившись даже стрелять¹.

Их обучение сводилось к почти непрерывной муштре на плацу, стрельбищам, муштре, интенсивным занятиям спортом и снова муштре. Толстый фельдфебель из Баварии муштровал их.

Однажды днем он гонял на плацу бегом по кругу вооруженное лишь штыками отделение Отца. Время от времени он прерывал их бег приказом «Hinlegen!»². Приказ заставлял отделение всегда в тот момент, когда солдаты пересекали большую и грязную лужу.

На становившееся все громче недовольство в их рядах фельдфебель реагировал грубым окриком:

– Maul halten, ihr russische Schwarzmeerschweine!³

Может быть это был тот выживший раненый из русского леса, который тогда, в Первой мировой, чему-то подучился и оно попало ему не в то горло.

Отца однако это мало интересовало, и он больше не помнил, что на него нашло. Может быть вспомнились ему все оскорбления, унижения, преследования в его жизни, которые он должен был переносить от чужих, от врагов, от красных, от зеленых, от коммунистов и от многих других. Может быть он слишком сильно в последние годы положился на то, что он, наконец-то, вырвался из этого рабского и скотского существования и находится теперь со своими соотечественниками-собратьями среди ему равных.

Как бы там ни было, он озверел, выхватил свой штык и бросился с устрашающе перекошенным лицом и диким воплем в атаку на этого сытого, тупого и из совершенно непонятных соображений чрезвычайно самодовольного и чрезмерно высокомерного толстяка. Тот стоял внезапно беспомощный и парализованный и смотрел с побледневшим, серо-желтым лицом в глаза своей смерти.

Его смерть и пришла бы неизбежно, если бы камерады Отца промедлили еще хоть одну секунду. Они однако не медлили, причем делали это только ради

¹ Ingeborg Fleischhauer „Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion“ (Ингеборг Фляйшгауэр «Третий рейх и немцы в Советском Союзе»). Deutsche Verlags-Anstalt (DVA), Stuttgart, 1983 (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte; Nr. 46)

² Ложись

³ «Заткнись, вы русские, черноморские свиньи!»

Отца. Двое его камерадов и друзей – кузнец из Пришиба и еще один великан из Блюменорта, которые стояли в строю рядом с Отцом – бросились ему вслед и повисли у него на плечах.

Не замечая этого, он протащил их еще пару шагов, пока они его не пересилили и не прижали своими телами к земле. Отец лежал лицом в грязи и тут же успокоился – ему стало, вдруг, так на все наплевать! Фельдфебель круто развернулся и исчез.

– Danke Kameraden!⁴ – коротко бросил Отец, вставая.

– Bedanke dich nicht zu früh,⁵ – ответили камерады задумчиво и печально. – Vielleicht sollten wir dich doch nicht aufhalten – du bist ja nun sowieso erledigt, dieses Schwein läge aber jetzt hier zu unserer allen Zufriedenheit geschlachtet und du wüsstest dann wenigstens, wofür du erschossen wirst!⁶

Отец понимал это точно так же, как и его камерады – в войсках ЭсЭс и особенно сейчас, когда война катится к поражению, напасть на своего командира – за это грозил в лучшем случае расстрел на месте даже без всякого трибунала.

Но как раз эта строгость военных законов в конце войны и спасла Отца – существовал приказ Гитлера, обходиться со всеми немцами из других стран – так называемыми «фольксдойче» – которые были произведены недавно, в поспешном процессе присвоения гражданства, в новых имперских немцев – новых «рейхсдойче» – с тем же равным уважением, как и со старыми «рейхсдойчен».

Отец был бы без сомнения расстрелян, но рядом с ним был бы расстрелян и этот «равноправно и с равным уважением обходимый» и «должный равноправно и с равным уважением обходиться» толстый баварец. Тот знал это лучше Отца и не доложил о происшествии своим вышестоящим командирам.

Так близко на краю смерти не был Отец еще никогда до этого и лишь редко еще после того. Толстяк-баварец тоже извлек из этого свой урок – не был больше таким надменным и таким самодовольным и даже выказывал некое уважение по отношению к черноморским свиньям. Вскоре однако муштре наступил все-равно конец – американцы вступили в Баварию, и для Отца с его камерадами созрело время биться и умирать за Родину той самой баварской жирной свиньи.

*

⁴ «Спасибо, камерады».

⁵ «Не благодари нас раньше времени.»

⁶«*Может быть лучше было бы все же не удерживать тебя – ты-то теперь все-равно уже пропавший, зато эта свинья лежала бы тут сейчас к нашему общему удовлетворению заколотой, а ты знал бы, по крайней мере, за что будешь расстрелян.*»